

на видовом уровне производного наименования и в полипризнаковом отношении начинают заменять наименование *bête*.

В конце 17 века единица *animal* вытесняет *bête* при обозначении животных и птиц, а к концу 17 века полностью переносит признаковую структуру этих обозначений, включая и отрицательную интеллектуальную оценку, на обозначения глупого человека: *Animal n.m.-...une valeur d'injure légère, adressée à une personne*.

Анализ семантики наименования *buse* показывает, что ещё в этимологическом значении содержится отрицательная интеллектуальная оценка *buisson, buson - imbecile, homme sans raison*, заимствованная из латинского этимона *buteo, -onis (se dit du hibou qui pousse son cri)* (Robert, 1995). Образно-оценочная основа относит эту единицу к обозначению вида хищных птиц (сарычей): *Buse n.f. -Un oiseau rapace diurne aux formes lourdes* (Robert, 1995). Особый интерес представляет потенциальный уровень этого обозначения, представленный нейтральной эстетической оценкой, которая не имеет категориального значения, а объективизирует манеру поведения и повадки этой птицы. Манера поведения сарыча - неподвижное, застывшее положение головы в момент броска на свою жертву - вызывает отрицательную эстетическую оценку, которая связана с отрицательной эстетической нормой, господствующей в данном языковом коллективе по отношению к этой птице.

С 1545 года отрицательный оценочный признак переносится на обозначение отрицательных интеллектуальных качеств человека: *Buse adj.-...la tête figée de l'animal est en train de guetter sa proie...au sens figuré se dit de "personne sottie et ignare"*).

Вышеизложенное позволяет говорить, что, во-первых, проявление культурно-исторического содержания наименования может зависеть от связанности первичного наименования с видовым уровнем производного; во-вторых, от связанности образно-оценочной основы с этическими и эстетическими нормами данного языкового сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения слова. -М., Вестник МГУ, 1966. - №5.
2. Хованская З.И. Стилистика французского языка.-М.: Высшая школа, 1984.

О СФЕРАХ И СТЕПЕНИ ВМЕШАТЕЛЬСТВА РАССКАЗЧИКА В СУБЪЕКТИВНЫЙ ПЛАН ПЕРСОНАЖА

Н.Р.Уварова
Шадринск

При интерпретации художественного текста бывает трудно определить, чья точка зрения отражена в высказанной информации, так как в современной

частности по отношению к нему; наличия /отсутствия мотивов для восприятия; способности /неспособности идентифицировать различные предметы действительности; умения /неумения выделить значимые для наблюдения черты или выбрать угол зрения.

Рассказчик, повествующий о восприятии другого лица, может 1) полностью отождествить себя с ним (нулевое вмешательство); 2) занять максимально отстраненную позицию (полное вмешательство) или 3) выбрать промежуточное положение между первым и вторым (частичное вмешательство). Провести границу между планом субъекта речи и планом субъекта восприятия можно, лишь обнаружив и проанализировав сигналы непосредственного / опосредованного восприятия - эксплицитные или имплицитные. Точка зрения, организующая даже элементарное чувственное восприятие, подчеркивает относительность ингерентных качеств объектов и первичность субъективного восприятия.

Восприятие является дейктичным в случае нулевого вмешательства рассказчика, недейктичным в результате полного вмешательства и частично дейктичным в случае частичного посредничества субъекта речи (Triki, 1991).

Идео-когнитивный компонент. Данная составляющая личного плана субъекта называется исследователями по-разному (когнитивный центр, идеологический центр, центр чувственного опыта и т. д.). Она имеет сложную структуру и включает в себя все, что морально, эмоционально или интеллектуально близко воспринимающему субъекту: эмоции, устремления, модальность, мировоззрение, знания, мнения, пристрастия, ассоциации, идиосинкразии. Все эти структурные элементы имеют свои маркеры в художественном тексте. Передача чужого мнения, эмоционального отношения непременно предполагает взаимодействие со всеми этими компонентами и сопоставление их между собой. Рассказчик (субъект речи) имеет возможность частично/полностью принимать или отвергать точку зрения персонажа (воспринимающего субъекта).

В докладе приводятся примеры из художественных произведений. В эмоциональном повествовании отмечается высокая концентрация восклицательных предложений, междометий, оценочных прилагательных, маркеров модальности, относящихся к плану воспринимающего субъекта. Выделяются также высказывания, допускающие двоякую интерпретацию, так как сложно определить, чью точку зрения они выражают, рассказчика или персонажа. Часто единственными сигналами присутствия рассказчика служат формы третьего лица и формы прошедшего времени глагола.

Рассмотренные отдельно друг от друга составляющие внутренней структуры субъекта демонстрируют многочисленные возможности и различную степень проникновения рассказчика в личный план персонажа. Взятые совокупно, так, как они встречаются в художественном тексте, эти аспекты обнаруживают еще больший диапазон возможного вмешательства говорящего субъекта в результате их бесчисленных комбинаций. Определение этих воз-

можностей в теоретическом и практическом плане посредством анализа художественных текстов играет важную роль в исследовании различных типов повествования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Матриенко А.В. Исследование функциональных особенностей индексальных элементов в высказываниях с косвенной речью в свете теории языковой указательности// Когнитивная лингвистика конца XX века. Материалы Международной научной конференции. Часть 2 - Мн., МГЛУ, 1997.
2. Triki M. The Representation of Self in Narrative// Journal of Literary Semantics. N20. 1991.

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТЕКСТОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНЫХ КОМПОНЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛА

С.В.Ушакова
Белгород

Имплицитность проявляется в системных связях лексики. "Имплицитное значение, входя в содержание лексической единицы, отражает ее коммуникативную ориентированность, направленность от говорящего к слушающему, который должен соотнести эксплицитное значение с гипостазируемым содержанием коммуникаций, анализируя совокупность значимых обстоятельств общения, включая наличную выраженную речь... В этих речемыслительных процессах совокупный смысл синтаксических единиц прирастает за счет импликаций - умозаключений из эксплицитных значений имен, высказываний и текстов" (Никитин, 1985: 47)

Выявление имплицитного потенциала глаголов в определенной мере отражает, на наш взгляд, коммуникативные возможности лексической системы, в которой обобщаются, типизируются не только закономерности и связи объективной действительности, но и субъективные, вероятностные стороны человеческой деятельности.

Высокий импликационный потенциал, имеющийся в производных значениях глаголов - полисемантов (условно такие значения назовем текстуально обусловленными), характеризует их, по словам М.В.Никитина, как "информационно чрезвычайно емкий компонент словесной коммуникации" (там же).

Способом, позволяющим выделить имплицитные семы в глагольном значении, является как анализ синтагматики глагола (на уровне его валентностных характеристик), так и учет типичных контекстов большего объема (вплоть до текстовых фрагментов разного характера). Наблюдения показывают, что в об-